

Путеводитель по Музею-квартире Н. А. Римского-Корсакова

Кабинет

(фрагмент)

Войдя в эту комнату, попадаем в «святая святых» творчества Николая Андреевича Римского-Корсакова. В тишине кабинета он создавал свои оперы, романсы, симфонические и другие произведения, работал над основами оркестровки, редактировал произведения М. И. Глинки и М. П. Мусоргского, писал письма и «Летопись», беседовал с друзьями и соратниками по искусству. Обращает на себя внимание особенность обстановки: здесь нет рояля, хотя это кабинет композитора. В семье Римских-Корсаковых рояль был нужен всем — родителям и детям — поэтому он стоял в гостиной. Николаю Андреевичу он не был необходим при сочинении музыки. Благодаря исключительному внутреннему слуху он с давних пор выработал привычку сочинять за письменным столом (см. фото на обложке журнала — Ред.). Лишь изредка он выходил в гостиную проиграть фрагменты написанной музыки. Когда во время пребывания за границей Николай Андреевич оказался в гостинице вовсе без рояля, работа над оперой «Сервилия» все равно шла успешно. Чтение книг и газет имело тоже вид работы, всегда за письменным столом, как и просмотр музыкальной литературы. Даже чтение партитур и подготовка к исполнению их в концерте иногда происходили не за роялем, а за письменным столом.

Владимир Николаевич так описывал рабочий день отца: «Каждое утро в 9 часов Николай Андреевич приходил сюда и, принявшись за работу, моментально полностью погружался в нее. Он мог не заметить, если кто-нибудь входил к нему (конечно, лишь при особой необходимости) и умел настолько сосредоточиться на своих музыкальных мыслях, что ему не мешали даже уроки пения в комнате над его кабинетом. Чем-либо нарушенное внимание быстро восстанавливалось. В часы работы на письменном столе Николая Андреевича появлялась масса нотной бумаги, свежееписанные листы партитур, груды корректур и прочее. Но, как только работа кончалась, на столе воцарялся образцовый порядок. Все раскладывалось по папкам, убиралось в ящики стола. В 12 работа прерывалась, так как надо было ехать на занятия в консерваторию. Вечерняя работа носила технический характер: он правил корректуры, переписывал набело утренние черновики.

Вечером, после обеда и краткого, минут на 15–20 отдыха, здесь же на большом диване, Николай Андреевич снова принимался за работу, если не надо было ехать на спектакль, в концерт, на ученический вечер, заседание или по другим общественным делам, которых всегда хватало, писал письма и так примерно до часу ночи».

В этой комнате проходили обсуждения сценариев и текстов опер с либреттистами, беседы с учениками, артистами, друзьями. Много раз бывал здесь В. В. Стасов, А. К. Лядов, А. К. Глазунов, В. В. Ястребцев, старавшийся записать как можно больше подробностей жизни Николая Андреевича и тут же изучавший рукописи его новых, даже еще не законченных сочинений. Фёдор Иванович Шалягин, приезжавший из Москвы на гастроли, непременно заходил сюда рассказать о событиях своей театральной жизни.

Письменный стол Николая Андреевича отличается простотой убранства. Бронзовая чернильница, на которой прежде всегда лежало золотое перо, лампа с козырьком от яркого света, майоликовая пепельница в виде дракона (Николай Андреевич очень много курил, часто закуривая от одной папирсы другую), необходимые для справок книги. Часы в дорожном футляре — памятная для Николая Андреевича вещь — были завещаны ему матерью с просьбой всегда держать их на своем столе, что он неукоснительно выполнял. Здесь же — маленькая фотография Софьи Васильевны, передающая ее облик в последние годы жизни. Подарок Людмилы Ивановны Шестаковой — бювар, поднесенный ею в день 25-летия композиторской деятельности Римского-Корсакова. Среди стоящих на столе фотографий — портреты разных лет Надежды Николаевны и особенно любимая им групповая фотография детей. Они сфотографировались и подарили эту фотографию отцу в 1899 году, когда старший сын — Михаил Николаевич, обзаведясь семьей, покинул родительский дом. В группе слева направо расположились: Андрей, Владимир, Надежда, София, Михаил. На другой стороне стола портреты: дочери Надежды (в детском возрасте), Софьи Николаевны и тройной портрет Глазунова, Лядова и Римского-Корсакова. Факсимиле заглавного листа рукописи «Золотой петушок» напоминает об этой последней опере Николая Андрееви-

ча, произведении для своего времени новаторском, являющемся свидетельством неиссякаемого творческого вдохновения ее автора, постоянных поисков им нового.

У стола — кресло с плоской подушкой, вышитой в подарок отцу Софией Николаевной. Над столом — портрет М. И. Глинки. Его музыкой Николай Андреевич был пленен еще в юные годы, когда, будучи кадетом Морского корпуса, стал посещать оперу и услышал «Жизнь за царя» и «Руслана и Людмилу» Глинки. Преклонение перед творчеством этого композитора Николай Андреевич пронес через всю свою жизнь. Редактируя для издания его произведения, он изучил их до последней нотки. «Пределов не было моему восхищению и поклонению гениальному человеку», — писал Николай Андреевич в «Летописи».

Стоящее рядом, у правого окна старинное бюро (работы тихвинских мастеров) является особо памятной вещью. В его ящиках Николай Андреевич хранил свои рукописи и рукописи Мусоргского и Бородина, над которыми работал после смерти друзей. Это бюро сопровождало его на всех петербургских квартирах.

За другим письменным столом работала Надежда Николаевна. Она помогала мужу править корректуры, делала переложения для голосов и рояля партитур его опер. После смерти Николая Андреевича разбирала и систематизировала здесь его архив, взявшись, прежде всего, за подготовку к изданию его автобиографических записок. Первое издание «Летописи моей музыкальной жизни», отредактированное ею по указаниям, оставленным автором, было осуществлено в 1909 году. На ее столе — экземпляр первого издания «Летописи», семейные фотографии и дамские вещицы: вязаная сумочка, небольшой портфельчик, вышитый бюварчик. Среди множества фотографий — большой портрет мужа; в центре, в скромных рамках — портреты отца и дяди; здесь же — фотография сестры, Александры Николаевны; остальные фотографии — портреты детей: взрослых Михаила, Андрея и Владимира, а также маленьких Миши и Сони, Володи и Нади, Андрюши и Нади, Андрюши (с лошадкой). На стене у стола Надежды Николаевны портрет Л. Н. Толстого. <...>